Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17282
EDN: HJVYPY

Как ангел и бес человеческие души спасали в «Солдатских сказках» Саши Черного

М. А. Жиркова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация)

e-mail: manp@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены две сказки Саши Черного (А. М. Гликберга) «Антошина беда» и «Штабс-капитанская сласть» из сборника «Солдатские сказки» в контексте взаимодействия христианской и народной демонологии. В исследовании выявлены способы репрезентации и функции ангелов и бесов в повествовании, а также определены жанровые особенности данных текстов. Материалом исследования, помимо указанных произведений, послужили фольклорные и древнерусские источники (видения, апокрифы, рассказы об обмирании). Методология основывалась на сравнительно-типологическом и структурно-семиотическом подходах, что позволило рассмотреть образы потусторонних сил в их связях с народной верой и армейским бытом. В результате установлено, что в сказке «Антошина беда» ангел-хранитель выступает в роли духовного наставника, помогающего солдату осознать и исправить грех, благодаря чему сохраняется нравственный порядок в воинском коллективе. В сказке «Штабс-капитанская сласть», написанной в традициях жанров видения и обмирания, бес вопреки своей демонической сущности становится невольным спасителем пьяницы-штабс-капитана, показав ему адские муки, которые ждут грешников за пьянство. Сделан вывод о том, что в обеих сказках Саши Черного спасение души достигается не через прямое божественное вмешательство, а через диалог с очеловеченными потусторонними силами, что отражает народное понимание веры и нравственности, а комическое начало при этом смягчает дидактику, не отменяя морального урока.

Ключевые слова: Саша Черный (А. М. Гликберг), солдатские сказки, ангел-хранитель, бес, праведник, епитимья, народная демонология, жанр видения, обмирания, апокриф, сон, табель о рангах, комическое

Для цитирования: Жиркова М. А. Как ангел и бес человеческие души спасали в «Солдатских сказках» Саши Черного // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 287–306. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17203. EDN: HJVYPY

© М. А. Жиркова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17203
EDN: HJVYPY

How an Angel and a Demon Saved Human Souls in Sasha Cherny's "Soldier's Tales"

Marina A. Zhirkova
Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation)
e-mail: manp@mail.ru

Abstract. This article examines two fairy tales by Sasha Cherny (A. M. Glikberg) from the collection "Soldier's Tales" — "Antoshina's Trouble" and "Staff Captain's Sweetness" — in the context of the interaction between Christian and folk demonology. The study aims to identify the methods of representation and the functions of angels and demons in the narrative, as well as to determine the genre features of these texts. In addition to the aforementioned works, the research material includes folklore and Old Russian sources (visions, apocrypha, and tales of lethargic sleep). The methodology is based on comparative-typological and structural-semiotic approaches, which make it possible to examine the images of otherworldly forces in their connection with folk beliefs and army life. The analysis establishes that in "Antoshina's Trouble," the guardian angel acts as a spiritual mentor who helps the soldier recognize and correct his sin, thereby preserving the moral order within the military collective. In "Staff Captain's Sweetness," written in the traditions of the vision genre and tales of lethargic sleep, a demon, contrary to its infernal nature, becomes an involuntary savior of a drunken staff captain by showing him the torments of hell that await sinners for the sin of drunkenness. It is concluded that in both of Sasha Cherny's tales, the salvation of the soul is achieved not through direct divine intervention, but through a dialogue with humanized otherworldly forces. This reflects the popular understanding of faith and morality, while the comic element softens the didacticism without canceling the moral lesson.

Keywords: Sasha Cherny (A. M. Glikberg), soldier's tales, guardian angel, demon, righteous man, penance, folk demonology, vision genre, tales of lethargic sleep (obmiranie), apocrypha, dream, Table of Ranks, the comic

For citation: Zhirkova M. A. How an Angel and a Demon Saved Human Souls in Cherny's "Soldier's Tales". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 287–306. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17203. EDN: HJVYPY (In Russ.)

Сборник «Солдатские сказки» Саши Черного (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) отдельной книгой вышел после смерти его автора — в 1933 г.[1] Произведения, вошедшие в сборник, создавались на протяжении 1928–1932 гг. и публиковались в парижской периодике: «Последние новости», «Иллюстрированная Россия», а также в газетах «Заря» (Харбин) и «Сегодня» (Рига). В книгу вошла 21 сказка. В жанровом плане их можно отнести к бытовым сказкам с главным героем солдатом, некоторые — к бывальщине, где сюжетной основой является встреча человека с нечистой силой. Низшая демонология (русалка, леший, домовой) в них соседствует с представителями христианского мира (ангелы, бесы). Сказки раскрывают народное восприятие христианского вероучения. Представители иного мира сохраняют в своем облике традиционные черты: крылья у ангелов[2], хвостик у черта[3], но в литературном произведении их образы раскрываются более подробно. Когда Ангелы «являются человеку, они обычно принимают облик, подобный человеческому» [Аверинцев, 2006а: 48–49]. В сказке Черного «Антошина беда» уточняется — ангелы-хранители похожи на тех, кого опекают:

> «Кажный Ангел со своим солдатом схож, — который солдат в плечах широк, лицом ядрен, — и Ангел у него бравый; который замухрышка незадачливый, — Ангел у него тихонький, уточкой переступает, виду у него настоящего нет…» [Черный: 289], —

и зовут их по именам людей, к которым они приставлены: «…имена у них кажному по своему солдату идут» [Черный: 290]. В сказке «Штабс-капитанская сласть» черт поясняет: «Мы завсегда по своим выпивающим для удобства фамилии носим» [Черный: 311].

«Солдатские сказки» отражают опыт самого писателя, служившего во время Первой мировой войны в госпитале.

[1] Черный А. Солдатские сказки. Париж: Парабола, 1933. 269 с.

[2] «Ходят Ангелы по дорожкам, мирно беседуют, — лунный свет скрозь них насквозь мреет, будто и нет никого. Только крыло, словно парус хрустальный, кое-где над кустом загорится — и опять в темных кустах погаснет» [Черный: 289].

[3] «…цельная погань на край горлышка села, на штабс-капитана смотрит, хвостом в носу ковыряет» [Черный: 309].

Действие некоторых из них связано с казармой, в них упоминаются различные воинские звания, присутствуют отсылки к теме войны, хотя сами военные действия не изображаются.

Сюжет сказки «Антошина беда» разворачивается в мирное время, но в солдатском гарнизоне. Когда солдаты спят, их ангелы-хранители собираются для обсуждения:

> «…кажный своей частью интересуется, все солдатики своей роты до донышка им известны, — беда ли какая, либо заминка, совместно обсудят, авось чего и придумают» [Черный: 289].

Собравшиеся ангелы упрекают ангела-хранителя командира первого взвода за то, что тот слишком разошелся, молодым солдатам от него сверх меры достается. Ангел-хранитель командира объясняет это письмом с плохими новостями и обещает успокоить своего подопечного. Созданный Сашей Черным образ небесного братства напоминает собрание старожилов или ротных командиров. Небесные покровители обсуждают между собой то, чем живут их солдаты:

> «Про инспекторский смотр поговорили, — кажись, в роте все исправно, без боя, без крика репертички идут… Сойдет гладко, солдатам облегчение» [Черный: 289].

Так, ангелы-хранители выясняют, что один солдат у другого десять целковых, заработанных для матери, украл, причем у самого тихого и отзывчивого:

> «Бросились они по кустам, видят, поодаль, у самой воды, сидит под лозой Антоша, плечики у него вздрагивают, крылами лицо прикрыл, навзрыд рыдает» [Черный: 290].

Обидели того, кто последнее отдаст другому, кто никогда жаловаться не пойдет и подозрение на товарища возводить не будет. Произошедшая кража — нарушение не столько материального, сколько духовного порядка, предательство солдатским братством, которое строится на взаимовыручке. Антоша — живое свидетельство этому, а слезы его ангела — это слезы не только от обиды, но и от осознания предательства своими же. Обиженный солдат — не просто жертва: его можно рассматривать как воплощение образа праведника в солдатской шинели. Его реакция — молчание, готовность простить

и пожалеть укравшего у него — это христианский идеал кротости и непротивления злу. Это вызывает чувство вины и стыда у ангелов за своих подчиненных, смятение и растерянность:

> «Насупились Хранители, друг на дружку и не взглянут. Кто же взять-то мог? Нет у них в роте такой темной души, чтобы у своего брата-солдата воровским манером последнее огребать» [Черный: 290].

Ангел-хранитель, «по свидетельству церковного Предания, даруется человеку во время его крещения и пребывает с ним на протяжении всей его жизни, если христианин стремится к богоуподоблению» [Иванов: 309]. Невидимый, он присутствует в жизни каждого человека, жизнь которого выражается в служении Богу и другим людям [Иванов: 309]. Но ангел-хранитель оказывается не всемогущим защитником: он не может оградить человека от греха, он беспомощен перед человеческой свободной волей. Он и хотел бы предотвратить беду, но его усилия тщетны перед слабостью или глупостью человека. Ангел не может насильно спасти человека: тот должен сделать свой выбор сам. Зато ангел-хранитель может направить через добрые помыслы на правильный путь.

Укравший деньги солдат носит фамилию Брудастый, как у героя М. Е. Салтыкова-Щедрина. У щедринского героя органчик вместо головы, а в сказке Саши Черного провинившийся солдат назван «дуботолком», т. е. дураком, человеком с дубовой головой. Ангел-хранитель, возмущенный поведением провинившегося солдата, берется исправить ситуацию. Брудастый ночью не спит, мучается укорами совести:

> «И зачем крал, бес его кривой знает! Ни светило, ни горело, да вдруг и припекло… Попросить у Антошки, как следовает, — он тебе рубашку последнюю с крестом отдаст, лампадная душа… Не пожалился ведь никому, Чистоплюй Иванович. Молчан-травку проглотил, только с лица побурел. Поди, и не себя он теперь жалеет, а того, кто себя потерял, — на убогое солдатское добро позарился. Ведь вот этакая-то вещь более всего и пронзает…» [Черный: 291].

Солдат упоминает беса кривого, но сам образ беса в сказке не появляется, это, скорее, мысленный образ. Возможно, однако, что бес выступил одномоментно: соблазнил открытым

сундучком и легкодоступными чужими деньгами. Как отмечает С. С. Аверинцев, бесы «имеют возможность тонкого проникновения в ход человеческих мыслей и вкладывания в ум и сердце человека нужных им внушений» [Аверинцев, 2006b: 84]. Так, бес толкнул на грех и исчез — ведь всех солдат здесь небесные посланники охраняют.

Ангел-хранитель сначала выступает как внутренний голос, припоминая солдату-вору все то, что делал Антоша для него:

> «Кто тебе чехол на балалайку ко дню Ангела сшил? Антошка. Кто на маневрах, как ты притомился, винтовку твою на себе пер? Антошка… А он ведь и сам, как лучинка… Кто за тебя, темного, письма домой пишет, обалдуй ты безграмотный? Кого ограбил?.. Антошка простит-стерпит, да тебе же еще штаны задарма залатает, — а что же ты мамашу его хлеба к празднику лишил?» [Черный: 291].

Брудастый не выдерживает мучительных угрызений совести: он возвращает припрятанные им деньги, благодаря явившемуся ему ангелу-хранителю:

> «…перед ним будто его брат родной, только с крылами да в широкой одежде, как небесному воину полагается…» [Черный: 292].

Такое активное вмешательство и явление ангела человеку становятся возможными благодаря первому шагу, сделанному солдатом на пути к исправлению. Солдат сам просит наложить на него наказание. Ангел выбирает для Брудастого тяжелую для него епитимью:

> «…воспрещаю я тебе с энтого часа солдатскими словами ругаться. <…> А будешь рассуждать, я тебя и курева лишу» [Черный: 292].

Подумав, солдат соглашается. Запрет на сквернословие — не физическое наказание, а духовное упражнение. Солдатская брань — часть среды, свой язык, отказаться от него — это необходимость постоянно контролировать каждое слово, а значит, все время помнить о своем грехе. Это наказание в назидание, направленное на воспитание самообладания и уважения других, рассчитанное на длительное, а не одномоментное исправление.

Ангелы-хранители в сказке — это тоже войско, только небесное, что стоит на страже добродетелей и праведности; они выполняют функцию духовной защиты от греха и соблазна. Их задача — блюсти нравственную чистоту вверенной им роты. В конце сказки происходит восстановление внутреннего порядка:

> «Антошке — возврат имущества, Брудастому — эпитимья, шестой роте — ни суда, ни позора, Ангелам-Хранителям — беспечный спокой» [Черный: 292].

Таким образом, сюжетом сказки «Антошина беда» становится испытание героя и его путь к духовному спасению, что приближает ее в жанровом плане к поучению, а участие библейских персонажей — к апокрифической легенде.

Несмотря на серьезный характер нравственной проблемы, затронутой в сказке, комическое начало пронизывает все уровни текста. На лексическом уровне: сочетание высокой (Ангелы-Хранители, небесные воины, ангельский лик) и сниженной, бытовой, с использованием просторечных выражений («ихних», «скрозь», «кажный», «евонная» и т. п.), поэтической лексики: лебедь, голубь — в обращении ангелов друг к другу; эмоционально-сниженной: «дуботолк», «обалдуй безграмотный» — в отношении Брудастого. На образном уровне: высокий статус небесного войска ангелов-хранителей снижен их человеческими переживаниями, но, с другой стороны, это делает их не отстраненными метафорическими символами, а живыми участниками событий. Грешник Брудастый изображен не окаянным злодеем, а смешным и жалким, по собственной глупости совершившим ошибку, которую можно исправить. На сюжетном уровне: явление ангела и выбранная им епитимья комичны по своей форме; запрет на ругательство — это лишение солдата одного из способов эмоциональной разрядки и воспитательный процесс. Авторская ирония и юмор выражают понимание человеческой слабости, проявление сочувствия как пострадавшему, так и провинившемуся. Комическое начало переводит сказку из морализаторства в забавную поучительную историю, сохраняя христианское милосердие.

В сказке «Антошина беда» человек выступает как объект духовной опеки. Если ангелу-хранителю в соответствии со своей функцией защиты и помощи удается спасти своего подопечного, то в сказке «Штабс-капитанская сласть» черт, вопреки своей природе пакостить, спасает человека, при этом сам поддается соблазну и пропадает для инфернального мира, застряв на земле.

Сказка «Штабс-капитанская сласть» написана в традициях жанра видения потустороннего мира, часто прослеживаемых в апокрифах, а также фольклорных рассказах об обмирании. Жанр видения сформировался в средневековой литературе, в основе его сюжета — посещение загробного мира и описание мук грешников (см. подробнее: [Гуревич]). Например, «Житие Василия Нового», «Слово о видении апостола Павла», «Видение Исайи», «Сказание отца нашего Агапия», «Книга Еноха» и др. Обмирания — жанр народных рассказов о путешествии по тому свету во сне (см. подробнее: [Пигин: 552]). Исследователи отмечают связь жанров видения и сказки. Так, А. Б. Соболева пишет: «Говоря о видениях, нельзя не сказать о их близости к жанру волшебной сказки. Оба жанра имеют целый ряд однородных мотивов и образов, наличие которых позволяет предположить их генетическое родство. Вероятно, и видения, и сказка развились из единого комплекса древнейших представлений "о пути умершего в иной мир"» [Соболева: 163]. По В. Я. Проппу, сказочное тридесятое царство — это царство мертвых. Герой сказки, проходя обряд инициации, временно умирал, оказавшись в потустороннем мире, по возвращении оттуда он как бы рождался заново или перерождался [Пропп: 39].

В сказке Саши Черного «Штабс-капитанская сласть» черт, сам того не ведая, грешника от пьянки отвадил и жизнь тем самым ему спас. Даже священник тому не мог помочь: «Батюшка по соседству трезвенный оказался; даже отворачивался, когда мимо проезжал…» [Черный: 308]. Главный герой сказки — штабс-капитан Овчинников — военный, ушедший в отставку из-за пьянства и живущий в одиночестве на хуторе в Роменском уезде Полтавской губернии. Если во время службы он пьяные дни с трезвыми чередовал, то теперь он пьет каждый день. Правда, одному скучно, соседи его дом

стороной обходят, потому что «штабс-капитан пил беглым маршем, интервалы короткие. Который гость отстанет, догонять должен, а не то коленом в мякоть, — поди подавай рапорт румынскому королю» [Черный: 308]. Хозяин хутора тогда переключился на домашних животных, но те тоже не выдержали:

> «…гусей пьяными вишнями споил, — облопались, в одночасье подохли… Собака благородной масти, Штопор по прозванию, сбежала. Кажный сбежит, не только благородный, ежели ему в глотку чистый спирт без закуски капать» [Черный: 308].

Только скворец оказался крепким:

> «…скворца хромого пьяным хлебом кормит, — оммакнет в рюмку, да птичке и поднесет» [Черный: 308].

Композиционно сказка состоит из краткого вступления, которое знакомит с главным героем и некоторыми обстоятельствами его жизни, центральной части, посвященной событиям двух ночей и пребыванию души главного героя в аду, и заключительной части — выхода из сна и перерождения главного героя.

Однажды летом, около полуночи после то ли двенадцатой, то ли шестнадцатой рюмки из бутылки главному герою явилась нечисть в виде малинового бесенка:

> «Как есть бесенок, масть вот только неподходящая: обнакновенно они в черноту ударяют, а спиртная нечисть в зелень» [Черный: 309].

Зеленый цвет, который, по словам беса, остался у «купеческой» нечисти, — это цвет мундиров чиновников, военных, а также цвет винных бутылок. Малиновый использовался в отделке военного мундира или был цветом определенного полка[4]. Явившийся бес объяснил свой малиновый цвет тем, что это форма тех, кто приставлен к военным, ушедшим в запас. Возможно, этот цвет так радует штабс-капитана, потому что он

[4] Во второй половине и в конце XIX в. форму малинового цвета носили армейский стрелковый батальон, Нижегородский драгунский, гвардейский стрелковый полки. См.: [Военная одежда русской армии: 233, 243, 328, 335].

близок к пурпуру и ассоциируется с властью или более высоким положением. По званию штабс-капитан Овчинников принадлежит к 9 классу табеля о рангах, он находится где-то в середине иерархии чинов и не является высоким.

Выясняется, что у чертей или бесов есть свой «табель о рангах», своя иерархия. Черт объясняет, что у них все устроено так же, как у военных:

> «Сатана вроде полного генерала. Дьяволы да обер-черти на манер полковников. Прочие черти, глядя по должности: однако все на офицерских вакансиях состоят. Ну, а мы — легкие бесы, крупа на посылках» [Черный: 310].

Как пишет Ф. А. Рязановский, «бесы представляются существами общественными, имеющими правильное политическое устройство» [Рязановский: 59]. В своей сказке Саша Черный пародирует любовь императорской России к мундирам и чинам: бесы носят форму, переодеваются согласно циркулярам и прикомандированы по родам войск (к военным) или сословьям (к купечеству); пишут рапорты о своих подчиненных, дают присягу не рассказывать подробностей о том свете. С одной стороны, штабс-капитану обидно, что к нему, офицеру, приставлен какой-то мелкий незначительный бес, с другой — он рад ему как собеседнику и ждет новой встречи:

> «Трезвый я б тебе морду хреном натер, а в натуральном своем виде не могу без разговора» [Черный: 311].

Примечательно, что представитель нечисти вопреки своей инфернальной сущности укоряет штабс-капитана за недостойное поведение:

> «Животных спаиваете. Да и не я вас подбивал, — хочь и бес, а до такой азиатчины не дошел… Позавчерась невинной козе картофельную шелуху перцовкой вспрыснули… А у нее дите. Нехорошо, сударь, поступаете» [Черный: 311].

Во вторую ночь черт соблазняется штабс-капитанской сластью и ради нее готов пойти на уступки. Штабс-капитанская сласть — это арбуз, внутри которого в течение трех недель настаивается водка. На момент появления беса как раз третья неделя пошла. Так захотелось черту ее попробовать, что он

про устав забыл, тогда и состоялся договор между бесом и штабс-капитаном:

> «…вот ежели вы, господин, завтра о полночь печать с арбуза снимете, так и быть, нонче душу из вас в сонном естестве выну и на часок ее т у д а контрабандой доставлю. Насчет энтого присяги не принимал. По рукам, что ли?» [Черный: 312].

Возможность путешествия по иным мирам обусловлена особым психофизиологическим состоянием визионера. Таким для главного героя сказки Саши Черного становится ежедневное пьянство до состояния, что черт явился, — «допился до чертиков». Пьяница, по христианским представлениям, уязвим для злых сил, поскольку закрывает свою душу от Бога. Феодосий Печерский в «Поучениях о казнях Божиих» говорил:

> «Пьянством отгоняем от себя ангела хранителя своего и привлекаем к себе злого беса; чрез пьянство удаляемся от Св. Духа и приближаемся к аду… <…> Бесы радуются нашему пьянству…»[5].

Ночью черт переносит душу заснувшего штабс-капитана в свой потусторонний мир; сон позволяет преодолеть границы между мирами. Как пишет С. М. Толстая, «во сне реальная действительность сменяется ирреальной, невидимый мир становится видимым и осязаемым», сон «выступает, таким образом, как канал связи между мирами» [Толстая: 193]. Сказку Саши Черного можно назвать онейрическим (сновидческим) текстом, поскольку основные события в ней происходят во сне. Мистический сон открывает герою его возможное будущее, позволяет узнать то, что ждет его за чертой жизни, увидеть то место, которое ему уготовано, и те посмертные наказания, которым он будет подвержен за свои грехи. Если мыслить

[5] Преподобный Феодосий, игумен Печерский. Поучение о казнях Божиих // Историческая хрестоматия для изучения истории русской церковной проповеди. С общей характеристикой периодов ее, с биографическими сведениями о замечательнейших проповедниках русских (с XI–XVIII в. включительно) и с указанием отличительных черт проповедничества каждого из них / сост. свящ. М. А. Поторжинский, препод. Киевской духовной семинарии. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. С. 64.

явление беса как пробудившуюся совесть героя, как переживания, внутренний диалог, то сон можно рассматривать и как погружение внутрь себя. По мнению Ю. М. Лотмана, сон — «это семиотическое зеркало, и каждый видит в нем отражение своего языка» [Лотман, 1992b: 222]. В современной истории и культуре произошло изменение функций сна: «Сон-предсказание — окно в таинственное будущее — сменяется представлением о сне как пути внутрь самого себя» [Лотман, 1992b: 223]. Сон главного героя сказки опережает действительность и отражает скрытое, становясь открытием своего «я» и возможностью изменения жизненной ситуации.

В плане художественного пространства сказки Саши Черного наблюдается сочетание реально существовавшего (Роменский уезд, Полтавская губерния) и ирреального (преисподняя, ад). По мнению Ю. М. Лотмана, «проникновение человека в ад или рай в средневековой литературе всегда мыслится как п у т е ш е с т в и е , перемещение в географическом пространстве» [Лотман, 1992a: 408]. Локализация ада в сказке не обозначена. Сложно сказать, в какой точке потустороннего мира он находится, поскольку отсутствует сам путь героя, который чудесным образом сразу попадает туда и вместе с читателем движется в пространстве преисподней. А. С. Демин отмечает, что «неясность географического пространства ада, по-видимому, намеренна. В апокрифах обычно неотчетливы подходы к загробному миру, маршруты по загробному миру, расстояния преодолеваются во сне, или в видении, или в чудесном полете» [Демин: 56]. Зато мы узнаем, что в аду есть специальное алкогольное отделение, а там «народу прорва, словно блох в цыганской кибитке…» [Черный: 312]. Обозначена общая атмосфера пара и дыма, характерная для народных представлений об адском пекле. В числе топографических подробностей потустороннего мира названы русская печь (можно предположить, что это адское отделение для русских грешников), пруд из водки со шкаликовыми берегами, пригорок, беседка с бутылем спирта, темный коридорчик с бутылочными осколками на полу.

В своем путешествии по аду Овчинников встречает много знакомых. Все наказания, которые он видит, связаны напрямую

с самим видом греха — неумеренным питием спиртного. Как отмечают исследователи, «злые духи соединяют грешников, совершивших сходные проступки, и подвергают их аналогичным пыткам» [Гуревич: 7]; «грешники наказываются по принципу: то, что доставляло удовольствие в земной жизни, является источником мучений в загробной» [Соболева: 161]. Виды наказаний и мук грешников в ином мире описаны с физиологическими подробностями. Как отмечает А. Я. Гуревич, «на том свете мучаются "тела" душ, их жгут, рвут щипцами, плавят в горнах, пожирают и т. п., и отличаются они от человеческих тел, собственно, только своею неистребимостью: будучи расплавлена, перекована в адской кузнице, пожрана дьяволом, душа вновь возрождается для новых нескончаемых пыток» [Гуревич: 22]. А. С. Демин пишет: «Души сохраняли внутренние свойства живого человека. <…> Души мучимы, но, в сущности, неуязвимы» [Демин: 55].

Описанные муки грешников даны в одной плоскости, без какой-либо градации. Наказания конкретизированы и соотнесены с тем, что творили грешники на земле при жизни. У первого встреченного штабс-капитаном в аду грешника штопор ввинчен по ручку в пупок:

> «На земле в пьяном виде подрался, пробочник в меня собутыльник и всадил. Вот теперь он во мне наскрозь и пророс, мочи моей нет…» [Черный: 313].

Штабс-капитан сильно пугается, когда появляется черт, отвечающий за грешника со штопором. Овчинникову везет: его видят грешные души, но он каждый раз остается незамеченным демоническими существами. В дальнейшем описание увиденных мучений грешников нередко сопровождает эмоциональное переживание главного героя: в речь основного нарратора включаются слова и восклицания штабс-капитана, попавшего в ад. Вторая картина, увиденная Овчинниковым, — это игра чертей в бильярд головами офицеров-пьяниц:

> «Вон подполковник Сидоров, капитан Кончаковский… Страсти-то какие! Оба в запрошлую масленицу в бильярдной скончались, — на пари друг дружку перепивали…» [Черный: 313].

Так приоткрывается предыстория знакомых главного героя, попавших в ад.

Следующее наказание грешников: моряки в лодке по водке плывут, руками гребут, а достать ее не могут, как только наклонятся, «языками до водки дотягиваются… А она, матушка, от них так и уходит, так и отшатывается… Мука-то какая!» [Черный: 313]. Далее он видит, как в огромной бутыли «в спирту знакомые кавалеристы настаиваются: которые ротмистры, которые чином повыше. Одни совсем готовы — ручки-ножки макаронами пораспустили, другие еще переворачиваются, пузыри пускают» [Черный: 313].

С музыкой появляется группа чертей верхом на военных:

> «Шпорами раскаленными в бока грешников бьют, на дыбки подымают. Многих он тут признал, даром что без мундиров, в одних ремешках поперек брюха» [Черный: 313].

Спешившись,

> «кажный своему грешнику, в нутро полный шприц водки вогнали. Только, значит, те проглотили, облизнуться не успели, а черти назад по команде всю водку и выкачали… Мука-то, мука-то какая!» [Черный: 314].

Этот эпизод перекликается с русской народной сказкой «Горький пьяница», в которой сын спасает своего отца-пьяницу, попавшего после смерти в ад и ставшего конем, на котором черти дрова и воду возят[6].

Другие грешники помпой спирт качают и объясняют штабс-капитану:

> «Раз в неделю спирт себе под котлы накачиваем, — военных чиновников на денатурате, а нас на чистом спирте кипятят…» [Черный: 314].

В этом наказании сказалось народное представление о том, что в аду черти грешников в котле со смолой варят. Последнее, что наблюдает штабс-капитан Овчинников: на оси карусели животные вертят до тошноты тех, кто их спаивал, а восставший желудок оказывается заперт внутри тела грешника. Такие

[6] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. Т. 4. С. 110–112.

наказания, как кипение в котле со спиртом и верчение на карусели, подошли бы главному герою, покинувшему службу из-за пьянства и спаивавшему животных.

В аду штабс-капитан испытывает сильные эмоции и чувства: часто испуг («Испужался Овчинников, руками замахал»), сопереживание грешникам («Мука-то какая») [Черный: 313 и др.], даже физические муки («Головка у него вспухла, коленки подламываются, от винного букета глаза фонарями вздуло» [Черный: 314]).

Исследователи утверждают, что «по загробному миру душа не может путешествовать без проводника» [Пигин: 554] (см. также: [Толстая: 194]). Однако в видении, созданном Сашей Черным, отсутствует традиционный проводник: черт переносит штабс-капитана в свой потусторонний (инфернальный) мир, но не сопровождает его там, а появляется в момент наибольшего испуга и переносит героя обратно.

Путешествие в преисподнюю привело к духовному перерождению главного героя. В конце сказки Овчинников избавился от пьянства; черт, явившись на третью ночь, удивлен увиденным:

> «Подбородок чисто пробрит. Рубаха свежая… Пуговицы на тужурке, которые удавленниками висели, все крепкой ниткой подтянуты. Чудеса…» [Черный: 315].

В итоге произошло то, что и предполагает жанр видений, — перерождение главного героя:

> «…штабс-капитан окончательно на молоко перешел. Даже хромого скворца, который по старой памяти в руку клювом долбил, пьяного хлеба требовал, — от этого занятия отучил. Спасибо малиновому бесу…
>
> Батюшка мимо проезжал, головой покрутил: на окнах у господина Овчинникова заместо наливок бумажные анделы на нитках красовались, — случай в Роменском уезде необнакновенный» [Черный: 316].

В том, что главному герою помог бес, а не священнослужитель, возможно, отразилось пренебрежительное отношение народа к духовенству. Образ попа в народных сказках обычно дан сатирически. Можно вспомнить рассуждения попа из

поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В сказке пародируется институт покаяния: спасение приходит не через церковь, а через инфернального проводника, не благодаря вере и покаянию, а через шоковое самоузнавание, через визуализацию ужаса собственного возможного будущего. Тот, кто должен был быть спасителем, носитель веры — священник — самоустраняется: в начале и в конце сказки он просто проезжает мимо дома штабс-капитана. Священник оказывается безучастен, пробуждение совести произошло через неожиданный и даже «неправедный» канал, с помощью демонического существа, точнее, благодаря его оплошности и слабости. Правда, бес в сказке не величественный искуситель, а мелкий чиновник преисподней, легкий бес, «крупа на посылках» [Черный: 310]. Он жалок, скучает, подвержен человеческим слабостям: из-за желания попробовать штабс-капитанскую сласть нарушает демонический устав. Итог общения со своим подчиненным-пьяницей для инфернального героя сказки оборачивается комической или даже трагикомической ситуацией: черт сам к пьянству пристрастился:

> «Мужички только сказывали, будто у пьяных, которые из монополии по хатам расползались, стали сороковки из карманов пропадать. Да в лесу ктой-то мокрым голосом по ночам песни выл, осенний ветер перекрикивал…» [Черный: 316].

Так, через пьянство бес лишается своего места в каждом из миров, застряв в лесу.

Таким образом, сказка Саши Черного «Штабс-капитанская сласть» представляет собой жанровый синтез: в тексте можно выделить традиции жанров видения и обмирания, апокрифических представлений о загробном мире древнерусской литературы и фольклора. Но автор использует пародирование данного жанра с той же целью назидания и исправления — «с помощью потусторонних сил преподать читателям уроки христианской морали» [Соболева: 157]. Исходя из специфики жанра обмирания, можно предположить, что главный герой на момент появления черта и своего путешествия в потусторонний мир находился в состоянии физического и духовного предела, на грани жизни и смерти, поскольку сон (часто летаргический) — это пороговое состояние, околосмертные

переживания. Таким образом, черт не только избавил штабс-капитана от пьянства, но, возможно, спас его от скорой смерти.

Сказки Саши Черного «Антошина беда» и «Штабс-капитанская сласть» отражают народное понимание веры: небесные и инфернальные силы очеловечены, демифологизированы и вписаны в солдатский быт. Сами образы ангелов и беса утратили свою метафизическую грозную и пугающую сущность. Они живые участники жизненных драм вверенных им человеческих душ, спасение которых происходит не в результате божественного вмешательства, а в процессе общения с потусторонней силой, которая помогла им заглянуть внутрь себя, увидеть возможность изменения и спасения. Противники, стоящие по разные стороны добра и зла, соперники за душу человеческую неожиданно оказались сближены. Комическое начало снимает пафос и прямую дидактику, но не отменяет нравственный урок, заложенный в каждой сказке.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Ангелы // Аверинцев С. С. Собр. соч. София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Kyiv: Дух і Літера, 2006. С. 47–51. (a)
2. Аверинцев С. С. Бесы // Аверинцев С. С. Собр. соч. София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Kyiv: Дух і Літера, 2006. С. 83–89. (b)
3. Военная одежда русской армии / Хренов М. М., Зубов Р. Т. и др. М.: Воениздат, 1994. 382 с. (Сер.: Редкая книга.)
4. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1977. Т. 8: К 70-летию академика Д. С. Лихачева. С. 3–27. (Сер.: Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 411.)
5. Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. 1994. № 7–1. С. 51–74 [Электронный ресурс]. URL: https://old-rus-imli.ru/images/germ-v-7-1/3_demin_a.pdf (17.08.2026). EDN: PZXQJU
6. Иванов М. С. Ангел-хранитель // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 2: Алексий, человек Божий — Анфим Анхиальский. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2001. С. 308–309.
7. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллин:

Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 407–412. (a)
8. Лотман Ю. М. Сон — семиотическое окно // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. С. 219–226. (b)
9. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 50. С. 551–557 http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=7YDTesEnzvc%3d&tabid=2296 (17.08.2026).
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
11. Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1915. 126 с.
12. Соболева А. Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып 4. С. 153–169 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757395.pdf (17.08.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3763. EDN: XEGNQR
13. Толстая С. М. Рассказы о посещении «того света» в их отношении к жанру «видений» // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 189–199.
14. Черный С. Солдатские сказки // Черный С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 3: Сумбур-трава. 1904–1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты о литературе / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. С. 197–336.

References

1. Averintsev S. S. The Angels. In: *Averintsev S. S. Sobranie sochineniy. Sofiya-Logos. Slovar'* [*Averintsev S. S. The Collected Works. Sophia-Logos. Dictionary*]. Kyiv, Dukh i Litera Publ., 2006, pp. 47–51. (In Russ.) (a)
2. Averintsev S. S. The Demons. In: *Averintsev S. S. Sobranie sochineniy. Sofiya-Logos. Slovar'* [*Averintsev S. S. The Collected Works. Sophia-Logos. Dictionary*]. Kyiv, Dukh i Litera Publ., 2006, pp. 83–89. (In Russ.) (b)
3. *Voennaya odezhda russkoy armii* [*Military Clothing of the Russian Army*]. Moscow, Voenizdat Publ., 1994. 382 p. (Ser.: A Rare Book.) (In Russ.)
4. Gurevich A. Ya. Western European Visions of the Other World and the "Realism" of the Middle Ages. In: *Trudy po znakovym sistemam* [*Works on Sign* Systems]. Tartu, The University of Tartu Publ., 1977, vol. 8, pp. 3–27. (Ser.: Scientific Notes of the University of Tartu; issue 411.) (In Russ.)
5. Demin A. S. Journey of the Soul to the Afterlife (in Ancient Russian Literature). In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], 1994, no. 7, part 1, pp. 51–74. Available at: https://old-rus-imli.ru/images/germ-v-7-1/3_demin_a.pdf (accessed on August 17, 2026). EDN: PZXQJU (In Russ.)

6. Ivanov M. S. The Guardian Angel. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*The Orthodox Encyclopedia*]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2001, vol. 2, pp. 308–309. (In Russ.)
7. Lotman Yu. M. On the Concept of Geographical Space in Russian Medieval Texts. In: *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i*: *v 3 tomakh* [*Lotman Yu. M. Selected Articles*: *in 3 Vols*]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture, pp. 407–412. (In Russ.) (a)
8. Lotman Yu. M. Sleep Is a Semiotic Window. In: *Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv* [*Lotman Yu. M. Culture and Explosion*]. Moscow, Gnozis Publ., Progress Publ., 1992, pp. 219–226. (In Russ.) (b)
9. Pigin A. V. Visions of the Other World in the Manuscript Tradition of the 18th — 20th Centuries. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1997, pp. 551–557. Available at: http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=7YDTesEnzvc%3d&tabid=2296 (accessed on August 17, 2026). (In Russ.)
10. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [*The Historical Roots of the Fairy Tale*]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
11. Ryazanovskiy F. A. *Demonologiya v drevnerusskoy literature* [*Demonology in Ancient Russian Literature*]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy Publ., 1915. 126 p. (In Russ.)
12. Soboleva A. B. The Genre of the Dream Visions in Old Russian Literature (Based on Alphabetical Patericon Material). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 153–169. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757395.pdf (accessed on August 17, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3763. EDN: XEGNQR (In Russ.)
13. Tolstaya S. M. Stories About Visits to the "Other World" in Their Relation to the Genre of "Visions". In: *Tolstaya S. M. Obraz mira v tekste i rituale* [*Tolstaya S. M. The Image of the World in the Text and the Ritual*]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2015, pp. 189–199. (In Russ.)
14. Chyornyy S. Soldier's Tales. In: *Chyornyy S. Sobranie sochineniy*: *v 5 tomakh* [*Chyorny S. The Collected Works*: *in 5 Vols*]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1996, vol. 3, pp. 197–336. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Петербургское шоссе, 10, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация, 196605); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4107-6944; e-mail: manp@mail.ru.

Marina A. Zhirkova, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, Pushkin Leningrad State University (Peterburgskoe shosse 10, St. Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4107-6944; e-mail: manp@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.08.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.10.2026
Принята к публикации / Accepted 16.10.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026